

МАРГАРИТА ПОЛУЭКТОВА

ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П53

Полуэктова, Маргарита Александровна.
П53 Пренебрежитель / Маргарита Полуэктова. —
Москва : Полуэктова М. А., 2026. — 752 с.

ISBN 978-5-600-05152-2

Герман — молодой программист, посвятивший свою жизнь борьбе с хейтерами в интернете. Чтобы преодолеть собственные страхи, он присоединяется к международной экспедиции в Швейцарских Альпах.

В экстремальных условиях на фоне трагических событий прошлого и конфликта с коллегой Антоном Герману предстоит не только бороться за выживание, но и переосмыслить свои взгляды на жизнь, на роль современных технологий в ней и на борьбу с хейтом, который оказывается намного более осязаемым, чем он думал.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-600-05152-2

© Маргарита Полуэктова, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

*И если что погубит меня, так именно это;
не Мелет и не Анит, а клевета
и недоброжелательство многих –
то, что погубило уже немало честных людей,
думаю, что и еще погубит.*

Апология Сократа

Пролог

Минуты превращались в часы. Сизые сумерки чернели, грозя в любое мгновение обратиться в ночь. Свиристый ветер, беспорядочно гулявший посреди обледенелых скал и пронизывавший насквозь даже защищенные теплыми одеждами тела, завывал все громче и громче. Снег беспощадно хлестал по щекам; плотный как стена, он уже едва позволял рассмотреть то, что творилось на расстоянии нескольких шагов. Казалось, хуже теперь быть не могло, но буря усиливалась. Спасатели едва сумели расслышать переданное по радиации сообщение: необходимо было немедленно прекращать тяжелые, затянувшиеся, бесплодные поиски и спускаться с горы.

Его нашли практически случайно — вскользь брошенный в сторону луч фонаря внезапно выхватил из тьмы, которая царилла внутри одной из глубоких щелей между скалистыми стенами, яркую куртку. Слегка заметенный снегом, поджавший под себя ноги и обхвативший руками колени, он судорожно подергивался от холода и, казалось, ничего вокруг себя не замечал: широко распах-

нутые глаза были устремлены в пустоту. Мужчина никак не отреагировал, когда его окликнули, и лишь принялся раскачиваться то ли из стороны в сторону, то ли взад-вперед. Или же его вдруг привели в движение залетавшие даже в это укромное место жестокие порывы ветра?

Спасатели протиснулись в щель, а он так и не отрывал стеклянного взгляда от только ему различной точки в пространстве. При приближении оказалось, что пострадавший шевелит губами; он что-то тихо бормотал, однако даже распознать, на каком языке, было невозможно: рев бури оглушал.

— Вы здесь один, сэр? — последовал заданный по-английски вопрос. Однако ответа не прозвучало, хотя кто-то из спасателей вмиг направил на лицо пострадавшего луч фонаря. Мужчина казался целым и невредимым и даже раскраснелся после стольких часов, проведенных на морозе, не так сильно, как этого можно было ожидать. Но что-то странное, с первого взгляда непонятное было на его лице, будто покрывшемся неровными пятнами — что-то, чему никто еще не успел придать должного значения.

Двое спасателей вновь обратились к нему по-английски, и вновь ответа услышать не удалось. Тогда они в двух словах обсудили действия, которые необходимо было предпринять первым же делом, и передали короткое сообщение по рации. После этого один из них тронул пострадавшего за локоть, и тут до ушей обоих спасателей донеслись его произнесенные громче, с нажимом, слова:

— Это не я...

Мужчина пробормотал эту фразу по-английски; сказав раз, он принялся повторять ее снова и снова. Дотронувшийся до пострадавшего спасатель от неожиданности выпрямился и развернулся к напарнику. Но тот невозмутимо отозвался:

— Если перешел на английский, значит, хоть какая-то реакция на происходящее есть. Это хорошо. Но у него шок.

А мужчина все бормотал одну и ту же фразу, слегка раскачиваясь и по-прежнему неотрывно глядя широко распахнутыми глазами в одному ему ведомую точку:

— Это не я... это не я... не я...

— Ты понимаешь, о чем он? — спросил стоявший возле него спасатель. Второй пожал плечами, после чего шагнул к обоим и изрек то единственное, что знал наверняка:

— Надо срочно спускать его. Шевелись, попробуем поднять.

Тот, казалось, начал понимать, кто находился рядом с ним, и задвигался. Жесты у него, замерзшего, получались с трудом; они были дергаными, неловкими. Однако он приподнял локти, и тогда спасатели, подхватив с обеих сторон, бережно поставили его на ноги. Он покачнулся, но, опершись об обхватившие его руки, устоял.

— Вы сможете идти, сэр? — спросил спасатель, но пострадавший лишь снова и снова бормотал одно и то же, делая длительные паузы между фразами:

— Это не я... это не я...

Крепко поддерживаемый, он явно почувствовал, что его начинают куда-то вести, поскольку неуверенно двинулся вперед. Сделав очередной шаг к выходу из щели, один из спасателей повернул к пострадавшему свое лицо и вдруг встал как вкопанный.

— Посвети сюда, пожалуйста, — попросил он напарника.

— Куда?

— На его куртку.

Второй спасатель тут же исполнил просьбу, осветив не только яркую куртку, но и лицо, и руки найденного мужчины. И везде, куда ни падал луч фонаря, напарни-

кам открывались темные, смазанные пятна. Следы какой-то субстанции, некогда бывшей влажной и красной, а ныне высохшей, почерневшей и заледеневшей. Продолжавший светить на пострадавшего спасатель невольно отпрянул и уточнил:

— Что это?

— Кровь.

— Он же вроде цел...

— Цел, — подтвердил напарник, после чего озвучил страшное, но единственно походившее на правду предположение:

— Она не его...

Помолчав, слегка дрогнувшим, наполовину приглушенным свистом ветра голосом другой спасатель спросил:

— Что же случилось с остальными?

Его напарник лишь снова сухо сказал:

— Надо срочно спускать его.

— Это не я... это не я... не я... — беспрестанно повторял пострадавший. Мужчины переглянулись и, не обмолвившись ни словом, повели его навстречу безопасности.

I

Несколькими днями ранее

Кто скажет, что при виде гор в его душе не пробуждается хотя бы самый робкий и сдержанный восторг, заслуживает получить в ответ справедливое: «Не верю!» Таинственные и неизведанные изгибы взмывающих ввысь вершин тысячелетиями неустанно вселяют трепет в душу созерцателя, и счастлив тот, кто имеет возможность провести толику времени в их близи. Горы — это особый мир, наполненный музыкой схлестывающихся ветров, который едва уловимым ароматом хрустальной свежести и удивительной легкостью бодрит одни головы и опьяняет другие, очищая мысли от каждодневных хлопот. Это мир надежд, стремлений и веры во что-то светлое, возвышенное, вечное. Многие способны, затаив дыхание, изо дня в день обводить взглядом застывшие величественные контуры безмолвных природных гигантов; однако далеко не каждый готов отважиться на то, чтобы прикоснуться к ним рукой. Забраться повыше, оторваться от ковров равнины на несколько сот каменных метров — вот что поистине значит выйти за рамки привычной, обыденной, незатейливой жизни. Самые непостижимые секреты любых высот открываются лишь тем пытливым храбрецам, кто не же-

ляет довольствоваться малым, безусловно вложенным в руки благодаря счастливому стечению обстоятельств, но жаждет бороться за то, чтобы прочувствовать все чужда мира; тем неудержимым, кто в погоне за своим идеалом не страшится никаких рисков.

Вечер потихоньку начинал оплетать затерянный в альпийских просторах курортный городок. Лазурное небо в самом центре своего бескрайнего купола постепенно принимало кобальтовый оттенок, а вдоль цепи гор протянулась тонкая розовая полоска, расцветив припорошенные белой небесной пудрой вершины смесью лилового и сиреневого. Падал редкий мягкий снег. На склонах гор, возвышавшихся всюду, постепенно становилось все тише и тише: после насыщенного дня лыжники и сноубордисты меняли свое местоположение, разбредаясь кто куда. Некоторые стекались отмечать приятную усталость в полные шумного веселья деревянные рестораны, другие же в предвкушении заслуженного отдыха возвращались в свои обособленные шале и уютные апартаменты в многолюдных отелях.

В бар одного из таких отелей, стоявшего на восточной окраине городка, медленной уверенной походкой зашел молодой человек. Одетый в темно-синий свитер грубой вязки с высоким воротником, черные лыжные брюки и желтые зимние ботинки, он был строен, статен и красив собой. Его светлое и гладковыбритое лицо было располагающим и приветливым; блестящие темные волосы изящно спадали на лоб, а яркие голубые глаза с живостью и любопытством взирали на окружающий мир даже в пору такой усталости, которую он испытывал в эту минуту.

Молодой человек приостановился на пороге устланного ковровым покрытием бара, осматриваясь. Помещение было практически пустым; лишь в левой сторо-

не зала за круглым деревянным столом сидели четверо: двое парней и две женщины. Их теплые куртки висели за ними на спинках стульев. Компания непринужденно о чем-то переговаривалась. Время от времени со стороны барной стойки доносился глухой шум или звон — персонал занимался своими делами.

Молодой человек сдвинулся с места и решительно направился в сторону сидевшей четверки. Заметив новое лицо в помещении, все они практически одновременно вскинули на него любопытные взгляды. Приблизившись к компании вплотную, незнакомец с легкой, приятной улыбкой поздоровался по-английски:

— Добрый вечер. Здесь проходит собрание группы от «Фогт Алпайн»?

За его явственным, хорошо поставленным британским акцентом все же угадывалось, что это не родной язык. На реплику тут же бодро отозвался один из парней:

— Здравствуйте. Да, здесь, минут через двадцать должно начаться. Вы тоже идете в поход? — осведомился он, приподнимаясь со стула.

— Любитель отправиться в неизведанные дали с тяжеленным рюкзаком за плечами к вашим услугам.

Поднявшийся парень улыбнулся чуть шире, радушно протянул руку и сказал:

— Я Мик. Мы все такие же любители. — Он качнул головой в сторону остальных, лица которых сияли радостью и приятным предвущением.

— Очень приятно. Герман, — ответил молодой человек, пожимая протянутую ладонь и окидывая взглядом присутствующих.

— А это, как можно догадаться, мой брат.

Парень рядом с Миком привстал со словами:

— Симон. И зачем мы только решаемся на такие авантюры? — Он слегка усмехнулся.

— Очень приятно, Герман. Вероятно, потому, что горд не может дать нам всего, чем богат окружающий мир. — Они обменялись рукопожатиями. Глядя на Симона, Герман понял, почему Мик был настолько уверен в том, что их родство очевидно даже для незнакомца: они оказались близнецами. На вид братьям было лет по двадцать, худые юношеские веснушчатые лица с большими карими глазами обрамляли копны слегка выующихся темно-каштановых волос. Одеты братья были по-разному: Герман заметил, что куртка, висевшая позади Мика, была темно-зеленой, а позади Симона — бордовой.

— Весьма похоже на правду. Значит, это мы вас с утра недосчитались, — бойко произнесла зеленоглазая шатенка с пышными кудрявыми волосами до ключиц. — Шарлин, — сказала она, поднимаясь одновременно с блондинкой со стрижкой каре. Обе женщины выглядели ухоженно и свежо, навскидку им можно было дать лет сорок пять, максимум — пятьдесят. От одной из них веяло ненавязчивым цитрусовым ароматом.

— Мэри, — сказала блондинка и приветливо улыбнулась.

— Дамы, пусть это будет первый и последний раз, когда вам приходится вставать при моем появлении, — весело заявил Герман, пожимая протянутые руки. — Да, так неудобно вышло. Я старался успеть к утреннему собранию, но мой рейс задержали...

— Придвиньте стул и присоединяйтесь к нам, — предложила Шарлин. — И не переживайте. Ничего особенно важного вы не пропустили, но если что — спросите гида, он вам все пояснит. Мы еще мало с ним общались, но он кажется отличным парнем. И толковым — видно, что эксперт в своем деле.

— В своем деле он эксперт, это правда, — согласился Герман. Молодой человек оглянулся на пустующий стол позади и взялся за первый попавшийся под руку стул —

Шарлин и Симон с готовностью подвинулись, освобождая для него пространство. Тот сел и вновь улыбнулся еще совершенно незнакомым людям, с которыми сталкивал его предстоящий поход.

— Мы тут пока делимся тем, как день провели, и выпиваем, — сразу же ввел его в курс дела Мик.

— Выпиваете? — переспросил Герман и взглянул на столешницу: действительно, перед братьями стояло по банке обычной газировки, а перед дамами — чайник чая и две наполненные чашки.

— Возьмите себе тоже что-нибудь, — предложила Шарлин, помешивая в чашке ложечкой. — Вы же наверняка почти что прямо с дороги.

— Почему бы и нет, — недолго думая, согласился Герман. Не успев привыкнуть к жесткому деревянному сиденью, он поднялся и направился к барной стойке. Там Герман подозвал бармена и на хорошем французском с легким иностранным акцентом заказал капучино. Перед предстоящим собранием ему хотелось получше сконцентрироваться; в том же, что после тяжелого перелета он сможет заснуть, даже выпив кофе, сомнений не было. С готовым капучино в руке он вернулся к столу, за которым компания новых знакомых оказалась вновь погруженной в какую-то беседу. Симон поднял взгляд на Германа, который присел на стул, и спросил:

— Будете? — Он указал в центр стола. За недолгое время отсутствия Германа там успела появиться только что открытая пачка чипсов. — Мы взяли в аэропорту на всякий случай, но совершенно о них забыли. Так весь день с собой и протаскали, пока гуляли по городу. — Симон хлопнул рукой по стоявшему рядом компактному черному повседневному рюкзаку, из расстегнутой молнии которого торчал белый шнур, подсоединенный к лежащему на столе смартфону. — Берите.

— Вы так добры. — Герман протянул руку к пачке.

— Вы тоже берите, не стесняйтесь, — сказал Симон, обращаясь к дамам.

— Я же говорю, мы так плотно поужинали... — Мэри отрицательно покачала головой и одарила собеседников извиняющейся улыбкой. Шарлин повернулась к Герману и пояснила:

— Мы только что начали рассказывать о том, как соприкоснулись с национальной кухней. Я-то уже с ней знакома, но вот моя дорогая подруга сегодня попробовала ее впервые. Если не ошибаюсь, она в восторге. — Шарлин с веселой усмешкой взглянула на Мэри.

— Еще бы! — воскликнула та, на долю секунды распахнув синие глаза чуть шире обычного. — Местная еда — это что-то необыкновенное. Особенно ракет — это плавленый сыр, который подается с молодым картофелем, маринованными овощами, колбасами... Прости, дорогая, что я так восторгаюсь, — спохватившись, Мэри тронула подругу за плечо и пояснила: — Шарлин мясо не ест.

Шарлин тут же беззаботно отмахнулась.

— Что ты, в самом деле. Но как бы то ни было, меня порадовало, что в меню у них довольно много вегетарианских блюд. Да и без них повара готовы пойти навстречу — удалось договориться, чтобы мне сделали тартифлет без бекона.

— Что это за ресторан такой? — живо поинтересовался Герман.

— Мы как раз рекомендовали Симону и Мику пойти туда, — кивнула Мэри. — Chez Louis, небольшое шале на склоне, прямо возле старого подъемника.

— Возле старого подъемника? — уточнил Герман, откидываясь на спинку стула.

— Да... вы, я так понимаю, в этом отеле остановились? — Он ответил утвердительно. — Если выйти из него, надо повернуть налево, после чего двигаться

прямо. Не сворачивайте вместе с автомобильной дорогой, а идите дальше по протоптанной тропинке. Чем ближе к горам, тем меньше на пути зданий, но пройдете минуты две от силы и увидите отдельно стоящее шале, а позади него — неработающий подъемник. Это шале и есть ресторан. Если будет возможность, зайдите туда по возвращении из похода — не разочаруетесь. — Мэри обвела взглядом молодого человека и братьев.

— Хорошо, — улыбнулся Герман и хлебнул начавший остывать кофе. Занятые поеданием чипсов близнецы энергично покивали. Симон проглотил очередную порцию первым и после недолгих размышлений вымолвил:

— Мы взяли обратные билеты так, что у нас здесь будут свободные сутки. Думаю, доберемся и туда. — Он взглянул на тут же издавшего одобрительный возглас Мика.

— У нас тоже будут сутки, — произнесла Мэри, и ее подруга, державшая чашку чая возле лица обеими руками, поспешила добавить:

— Даже чуть больше. Хоть сможем по городу погулять, раз сегодня не вышло.

— Нет? — удивился Мик. — Где же вы были весь день?

Шарлин хмыкнула и вернула оказавшуюся уже опустошенной чашку на блюдце.

— После утреннего собрания мы отправились в спа нашего отеля — Мэри и я остановились в пяти минутах ходьбы отсюда — и каким-то образом потеряли там счет времени. Мы действительно изначально собирались добраться до Старого города, но в итоге только и успели поужинать...

— А жаль, — с ноткой печали отозвалась Мэри, — потому что я слышала, что чем дальше от лыжных трасс, тем лучше удастся прочувствовать подлинную атмосферу города.

— Так и есть, — подтвердил Мик. — Мы как раз побывали в тех местах сегодня и многое успели увидеть. Пожалуй, почти все. Старый город настолько мал, что заблудиться в нем практически невозможно.

— И все же нам это удалось, — заметил Симон.

— Гм... да. Но я стою на своем, при свете дня этого бы не произошло. — Мик обвел взглядом сидящую за столом компанию и невозмутимо продолжил: — Справедливости ради, дома там все однотипные: узкие, трехэтажные, и явно большинству из них не одна сотня лет. В наших краях встречаются похожие, но на здешние постройки посмотреть было очень даже интересно... Как бы то ни было, в один прекрасный момент резко стемнело, и стало сложнее понять, какую из гор мы брали за ориентир изначально. К тому же все эти кривые улицы, которые по мере углубления в город сужаются все больше и больше, ведут к главной площади; а вот чтобы найти, какая из них выходит с нее в нужном направлении, надо очень постараться.

— Да, когда мы в четвертый раз вышли к монастырю, я готов был взвыть, — слегка улыбнулся Симон. — Хорошо, что на наших смартфонах есть навигатор...

— ...и что они к тому времени еще не успели разрядиться. И все равно мы чуть было не опоздали. Даже в номер забежать не успели, сразу сюда.

— Подождите, — перебила братьев Шарлин, — вы сказали — монастырь? Там даже монастырь есть?

— Вернее — был, — уточнил Мик. — Он наполовину разрушен.

— Легенда гласит, что весь Старый город был заложен подле этого заброшенного ныне монастыря еще в глубоком Средневековье, примерно в тринадцатом веке, — пояснил Симон, — и что сейчас в домах неподалеку от развалин живут самые настоящие потомки основателей поселения.